УЧТЕНО
1947
И Л

Библиотека
Института Ле
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

Ур ж.

МОСКОВСКИЙ НАБАТ

БЮЛЛЕТЕНЬ

Рабочего Союза Анархистов „НАБАТ".

№ 3. Понедельник 8-го сентября 1919 г. Ц. 3 р.

Ур ж
П 541

ЕДИНЫЙ АНАРХИЗМ.

УЧТЕНО
1949
И Л

Развитие на Украине т. н. набатовского движения, кладущего в основу положения единого анархизма, вызвало у некоторых „именитых" анархистов России нечто вроде озлобления и болезненного задора. Шипение, злостные выпады, порой даже личная клевета. Кампания против „Набата" ведется не только „слева",—в ней усердствуют и такие анархисты, которые давно уже из непримиримых безначальцев стали анархо большевиками; тут и опытные торгаши не сошедшиеся в цене с большевиками, пробовавшими субсидией добиться прекращения их последовательной критики; тут и ego-сверх-человек, и просто бывший человек,—всяк считает своим непременным долгом при случае лягнуть „Набат". В изложении наших патентованных академиков от-анархизма, единый анархизм есть ересь, вздор, чепуха. И не этих людей переубеждать, и не им что-либо доказывать собираемся мы. Оставим сих анархо-слецов упражняться в своем высокоблагородном занятии выкапывания мелочей, придирок: горбатого, говорят, лишь могила исправит. Наши строки направлены к тем товарищам, которые подходя к вопросу без предубеждения, заинтересованы тем, что-же представляет собою единый анархизм в изложении его приверженцев?

С первых же слов, мы должны оговорить, что сторонники единого анархизма вовсе не собираются связать в одной организации анархиста-синдикалиста, анархиста-индивидуалиста и анархиста-коммуниста. Нам — набатовцам, работающим в первичных местных группах, отлично известно, что от такой совместной работы получилось бы одно топтание на месте из-за бесконечных бесплодных фракционных споров. Да, мы знаем, что анархист, заявляющий себя синдикалистом, имеет привычку выставлять свой синдикализм частенько в такой форме, в таких выражениях, которые совершенно неприемлемы для коммуниста-анархиста, и тем паче для анархо-индивидуалиста. А анархо-индивидуалист, загипнотизированный заглавной буквой „Я", тычет эту гласную всегда вперед, вызывая яростное сопротивление коммуниста и синдикалиста. И не в том состоит единый анархизм, чтобы собрав индивидуалиста, синдикалиста и коммуниста сказать им: да будет единение меж вами! Мы настойчиво напоминаем товарищам, что мы не зовем к механическому об'единению разных течений в анархистских организациях.

Единый анархизм есть такая система мышления, согласно которой разделение анархизма на коммунизм, индивидуализм и синдикализм признается вредным и неправильным. Сторонники единого анархизма стремятся к укреплению в анархистских рядах того взгляда, что, вне беспочвенных отвлеченных рассуждений, анархизм, как жизненный идеал, может быть лишь целостным, всеоб'емлющим, единым.

Именующий себя коммунистом или синдикалистом, *если он только анархист*, имеет своим идеалом достижение такого порядка вещей, при котором общество в целом и каждая человеческая личность в отдельности могли бы, изощряя все свои способности, удовлетворять всем разнородным своим потребностям. Анархия, т. е. отсутствие власти человека над человеком, даст возможность каждому индивиду, каждой отдельной человеческой особи достичь полного проявления и удовлетворения своего „Я". И поскольку анархия знаменует собою не только раскрепощение трудящихся и человеческого общества, но и раскрепощение *человека*,—постолько каждый анархист, называй он себя синдикалистом или комму-

нистом, есть в известной мере и в вышеозначенном смысле индивидуалист.

Живой анархист, если он пропагандирует не только среди образованных верхов, но и среди всамделишных крестьян и рабочих, знает, что анархизм не ставит себе целью по свержении капиталистического общества замену его таким индивидуалистическим разгуляй-малина „строем", при котором строить никто ничего не будет. Речь идет, конечно, об известной общественной организации, т. н. анархической коммуне, которая будучи более совершенной формой общежития в сравнении с капиталистической или государственно социалистической—не будет, разумеется, в особенности на первых порах, идеальной, в полном смысле слова *совершенной* формой организации. Но анархическая коммуна, благодаря ее экономическому равенству (взамен общественно-полезного труда член общества получает по потребностям),—послужит той материальной базой, на которой личность сможет развиваться все дальше и дальше, по пути к совершенству. И поэтому, для каждого конкретно-мыслящего анархиста, если только он не сухой догматик и патриот своей приставки, вполне приемлемы некоторые положения т. н. анархического коммунизма.

Анархист, который пристегивает к себе ярлычок „коммуниста", заранее, по нашему мнению, суживает идеал Анархии, которая на коммуне ведь не остановится. Анархист с ярлыком „индивидуалиста", если он не буржуа, а революционер, если он учитывает реальную жизнь, а не живет в чаду хитроумных спекулятивно-философских теорем,—должен понимать, что его идеал — духовное совершенство личности — потребует, как материальной базы, безвластной коммуны, этой ближайшей стадии развития человеческого общества после его государственно-капиталистической формы.

А раз так, то и тот, и другой—и „коммунист", и „индивидуалист",—должны также уяснить себе, что не кучка героев заговорщиков-анархистов чудом перенесут нас в анархическую коммуну. Анархисты, члены анархистских групп, являются лишь пропагандистами и застрельщиками в борьбе. Освобождение-же рабов Власти и Капитала должно быть делом самих рабов, об'единяющихся для успешной борьбы в союзы и со-

„Последние из Могикан" I-го Интернационала.

Памяти А. ЛОРЕНЦО.

За истекшее пятилетие международный анархизм потерял целый ряд крупных фигур, игравших видную роль в революционном движении разных стран. Сошел в могилу *Джемс Гильом*, друг и соратник М. Бакунина, один из активных членов романского Интернационала; умер *Пэнди*, старый коммунар, живший в изгнании (в Юрской Швейцарии) и принимавший участие в когда-то знаменитой „Юрской Федерации"; не стало и *Пьера Мартэна*, пионера французских анархистов, соратника П. Кропоткина по знаменитому Бионскому суду 1883 года, стоявшего все время во главе редакции „Либертэр", органа анархистов интернационалистов.

И среди этих потерь, потеря на 73 году жизни, испанского анархиста *Ансельмо Лоренцо* является едва ли не самой незаменимой!

В годовщину его смерти мы писали („Набат" № 4): „В лице Ансельмо Лоренцо мы потеряли не только старого товарища по международному революционному движению, но также и стойкого борца, который продолжал оставаться в наших рядах в то время, когда многие из наших товарищей заняли позицию *вне* Интернационала. Мы, анархисты-интернационалисты, испытывали глубокое удовлетворение при виде того, как Ансельмо Лоренцо боролся против вчерашних соратников, боролся открыто, честно, без малейшего лицемерия, с пламенной убежденностью, чуждый плохо замаскированного сентиментализма, но полный идеализма в лучшем смысле слова. Он не дал себя обмануть французской демократии и не был запуган германским империализмом.

Он ясно видел, что раз анархисты примут социал-демократическую теорию допустимости „оборонительной" войны, каждое государство всегда сумеет войну наступательную представить, как оборонительную.

И, давая себе в этом отчет, он все силь-

юзы союзов. Хороши на своем месте и в свое время индивидуальные акты бунта, но они бледнеют перед широким массовым движением революционных рабочих и трудовых организаций. Чей идеал—не одно голое разрушение, должен будет признать, что в деле организации потребления и производства тягчайшая работа выпадет на долю привычных, опытных тружеников, т. е. рабочих и крестьянских об'единений, организаций и союзов, или выражаясь по иностранному, трудовых синдикатов. И, следовательно, каждый практический работник-анархист, если он на самом деле сталкивается с трудящимися массами, идя с ними и при помощи их об'единенных организаций к раскрепощению общества и личности,—есть уже в известной мере и в условном смысле, и синдикалист.

Итак, согласно нашему пониманию, каждый цельный анархист есть отчасти и индивидуалист, поскольку идеал Анархии—освобождение каждого индивида от насилия и гнета. Этот идеал не достижим в рамках буржуазного общества,—материальной базой для расцвета личности послужит безвластная коммуна, и признающий это работник-анархист есть отчасти также и коммунист. И он же в тоже время есть в некоторой степени и синдикалист в том условном смысле, что в достижении анархической коммуны он признает, как организационный метод, революционное массовое движение вольных экономических организаций.

Однако мы набатовцы, проповедники в наших рядах единого анархизма, не называем себя анархо-синдикалистами, чтобы не быть смешиваемы с теми синдикалистами, которые ударяются в строение рабочих организаций настолько, что забывают о Коммуне и об Анархии. Мы также не всегда называем себя и анархо-коммунистами, ибо и признавая синдикальный метод организации трудящихся, мы не забываем, что в борьбе за Анархию весь смысл состоит в борьбе за сильную, разумную, прекрасную, свободную человеческую личность. И мы самым категорическим образом отметаем приставку „индивидуалиста" от анархиста для того, чтобы нас не смешивали с тем типом индивидуалиста, у которого левая нога не признает организации, правая нога не признает общества, а весь он признает только себя и свое личное благо.

нее и сильнее грустил, видя, как прежние товарищи покидают прямой путь Интернационала и теряются в дебрях старых предрассудков, проповедуя борьбу с милитаризмом при помощи милитаризма же, отдавая предпочтение одному государству перед другим, призывая к „национальному об'единению" для так называемой „освободительной" войны.

Для Лоренцо было ясно, что чтобы уничтожить милитаризм *надо бороться против всякого милитаризма*, и для борьбы с одним государством не становиться сотрудником другого.

А потому Лоренцо не делал различия между разбойником с большой дороги, который хватает за горло, требуя „кошелек или жизнь" и куртизанкой шикарных салонов, обирающей свои жертвы с лживой улыбкой на устах.

Лоренцо не мог понять, как можно быть анархистом, всю жизнь говорить рабочим, что на земном шаре есть только две „расы": рабочие и капиталисты, что пока последние не исчезнут, социальный мир невозможен,—и не смотря на это проповедывать „национальное об'единение". Смело бросаясь в водоворот событий, он всегда оставался таким же отважным и решительным, каким был в дни своей молодости, когда вступал в ряды бакунистского Интернационала.

Вся его жизнь была посвящена рабочему делу.

В его лице каталонские рабочие, рабочие всей Испании, наконец, весь Интернационал потеряли незаменимого борца. Имя Лоренцо в Испании, на ряду с именами *Джузеппе Фанелли, Фермина Сальвочеа, Мигуэля Анжиолило, Матэе Маралена* и *Франциско Феррера* занимает почетное место в пантеоне бессмертных—борцов за социальную революцию.

* * *

Ансельмо Лоренцо родился 21-го апреля 1841 г. в г. Толедо (Кастилии). Происходя из рабочей среды, он получил скудное образование наборщика в одной Мадридской типографии.

В эту эпоху социалистическое и интернационалистское движения еще не давали о себе знать в Мадриде. Желая бороться против политического гнета, А. Лоренцо вступил в ряды федеративной республиканской партии, которая в те времена группи-

Другими словами, мы-набатовцы приемлем синдикализм, индивидуализм и коммунизм все вместе, но мы отвергаем любую из этих приставок к анархизму в отдельности. Мы ни анархисты-индивидуалисты, ни анархисты-коммунисты, ни анархисты-синдикалисты,—мы просто *анархисты*, сторонники всеоб'емлющего, целостного, *единого* анархизма.

Единый анархизм не есть какая-то новая ветвь в анархизме. Анархизм всегда был един. Мы считаем, что мы лишь возвращаемся к первоначальному революционному интегральному анархизму Парсонса, Малатеста, Кропоткина. Приставки к анархизму явились позднее, и представляют собою вредный паразитический нарост на его теле.

Но об этом в следующей статье.

А. Барон.

О крестьянско-профессиональном движении.

Рабоче крестьянский пролетариат России и, в частности Великороссии, пройдя двухлетнюю революционную практику стал, наконец, сам разбираться и задумываться над вопросом: как выйти из того катастрофического положения, которое изо-дня в день становится все печальнее и ужаснее.

Крестьяне и рабочие уже начинают понимать, что никакие спасители той или иной партии не помогут делу Социальной Революции, а поэтому необходимо *самим* пошевелить мозгами и создать такие свободные организации труда, которые бы вывели их из заколдованного круга.

Крестьяне теперь воочию убеждены, что все помещичьи имения не перешли в их непосредственное владение — крестьянских организаций, а перешли *все* в ведение государства—советских имений, где конечно, существуют управляемые и управители, где введен наемный труд под руководством „специалистов". Крестьяне к такому начинанию

ровала наиболее передовые элементы пролетариата. Усиленно занимаясь самообразованием, Ан. Лоренцо познакомился с сочинениями французских социалистов, как Шарль Фурье, П. Прудон и др., которые до этого времени совершенно не были известны в Испании. Позднее на него сильное влияние оказал еще журнал „Дискуссион", где знаменитый испанский публицист *Пъюи-Маргаль* защищал идеи федерализма в политике, и социализма в экономике.

Сформировавшись уже, как революционер—молодой Лоренцо встретил итальянского агитатора *Джузеппе Фанелли*, друга и соратника М. Бакунина, явившегося в Мадрид, в качестве делегата „Альянса", проникнутого социально-революционными стремлениями; Д. Фанелли имел целью основание испанской секции Интернационала.

В 1870 году А. Лоренцо уже редактирует газету „Солидаридат". Его энтузиазм увлекает даже наименее решительных. Вокруг А. Лоренцо начали группироваться революционные кружки рабочих. Первый конгресс испанских рабочих состоялся в Барцелоне (Каталонии) 29-го июня 1870 г. А. Лоренцо был выбран членом областного федерального комитета от испанской секции Интернационала.

В то время вспыхнула франко-прусская война 1870 года, и для молодой организации представился хороший повод устроить манифестацию с призывом к братству народов. В Мадриде сохранился обычай, ежегодно 2-го мая устраивать шовинистический праздник, во время которого подвергались грубым издевательствам те немногие французы, которые не зная этого дикого обычая*), решались показываться в этот день на улицах.

Федеральный комитет Интернационала, желая искоренить этот варварский обычай, решил в этот день организовать франко-испанский банкет.

Толпа шовинистов, побуждаемая агентами-провокаторами, напала на помещение, где происходило собрание, и здесь произошла кровавая стычка.

Вскоре А. Лоренцо и два товарища были откомандированы в Португалию, для ос-

---

*) В Кастилии ненавидят французов со времен Наполеоновских войн; их считают чуть ли не главными виновниками всех бедствий, постигших в XIX веке Испанию. Отсюда и обычай третировать французов, как врагов.

большевиков в деревне—к проведению государственной коммуны—отнеслись отрицательно.

И это вполне понятно, ибо на штыке и насилии нельзя осуществить коммунизма.

Это увидели и сами большевики, что их коммуна—государственная—не воспринимается массою, а поэтому некоторые из коммунистов забили отбой.

Вся большевистская пресса, которая так рьяно раньше кричала о развивающихся коммунах, в особенности в Великороссии,—почти замолкла и положительно ничего не пишет о них.

Крестьяне в Великороссии и на Украине не восприняли государственную коммуну потому, что увидели над собой путь принуждения, угнетения и порабощения человеческой личности. Они поняли, что вместо прежних эксплоататоров—помещиков, им, под соусом советской власти, хотят навязать нового эксплоататора-кулака—государство.

В противовес большевистской коммуне крестьяне во многих местах России (Костромской, Смоленской, Тверской, Владимирской и др. губерниях), организуют, вызываемые самой жизнью, самой необходимостью, волостные крестьянско-профессиональные союзы хлеборобов.

Крестьяне говорят: „мы такие же производители богатств, как и городские рабочие в промышленности, поэтому мы должны сранизовывать профессиональные союзы хлеборобов: волостные, губернские, областные и общемировые, об'единяя снизу вверх все, организующиеся на местах, свободно-возникающие независимые артели-коммуны в производственные крестьянско-профессиональные союзы".

Крестьяне говорят, что если раньше, допустим, организовывались в такой-то волости несколько коммун, то они не были со всеми другими деревнями спаяны, а были оторваны от всей волости, не жившей коммуною. Но если, например, такая то волость, поняв свои интересы в целом, собрав волостное собрание (сход) со всех деревень,

---

нования там секций Интернационала. Португальские революционеры их встретили с распростертыми об'ятиями. С их помощью испанские анархисты с'организовали тайную федерацию, а чтобы не возбудить подозрения агентов правительства свои собрания устраивали по ночам на баржах, стоявших в устье реки Тахо.

Через год уже их неутомимой пропаганды в Лиссабоне насчитывалось до 10,000 рабочих, примкнувших к Интернационалу, а в г. Опорто до 8,000.

Вскоре А. Лоренцо возвратился на родину. Здесь он продолжал раз начатое дело; когда начались гонения на интернационалистов, и в „кортесах" (парламенте) депутаты стали обсуждать о мерах борьбы с ростом Интернационала, Лоренцо, защищая последний, воскликнул: „Если Интернационал будет об'явлен противным закону, то Интернационал об'явит закон противным разуму и справедливости".

Последние десятки лет своей жизни А. Лоренцо посвятил революционной деятельности в Каталонии. Он полюбил эту страну и ея рабочее движение, богатое примерами героической и самоотверженной борьбы. Поселившись в Барцелоне, центре Каталонского анархизма, он стал его душею.

Лоренцо сотрудничал в испанской анархической прессе, также как и заграничных периодических изданиях. Его статьи и корреспонденции об испанском движении всегда были полны ясности, проницательности и революционного духа. Под его непосредственной редакцией в 1886—88 г.г. выходили органы боевого анархизма: „Анпария" и „Эль Продюктер", имевшие громадное влияние на испанский пролетариат. Занимаясь публицистикой, Ансельмо Лоренцо не стал отвлеченным теоретиком, но на практике стремился к осуществлению идеала, который все время проповедывал.

Он целиком отдавался борьбе, не считаясь с риском и опасностью! Мы видим его во всех каталонских движениях, где он не раз рискует своей свободой и головой.

1897 год застал его в страшной тюрьме Монжуихе, куда он был заключен, вместе с другими товарищами, в связи с громким процессом о бомбах.

В 1902 г. Каталония стала ареной всеобщей стачки, вспыхнувшей, как акт солидарности, для поддержки бастующих металлургистов. Это движение развивалось под непосредственным руководством А. Лоренцо,

входящих в данную волость, посоветовавшись и обменявшись мнениями, решит об'явить профессиональный союз хлеборобов целой волости, (если неудобно собрать волостной сход в целом), то можно послать делегатов с мест от каждой деревни.

Из этого получится то, что все деревни вынуждены будут не механически, а органически об'единиться и входить на основе федерализма в волостной синдикат (союз) Волостные союзы, как экономические (но не властно-командующие центры) будут помогать крестьянам организовывать производство на местах: культурной работой, инструктированием, собиранием статистики и т. п. работою. Сами же артели, общины и коммуны, как производственные группы, будут налаживать производство, и своими коммунальными Советами управлять хозяйством, имея полную независимость и автономность.

Волостные же союзы хлеборобов будут входить в уездные, губернские и областные профессиональные союзы, и таким образом получится федеративная связь всех коммун и артелей, которые войдут в тесный контакт с индустриальными рабочими разных городов и наладят между собою товарообмен.

В образовавшихся крестьянско-профессиональных союзах есть уже свои написанные уставы, в которых говорится, что без вмешательства сверху какой-бы то ни было политической власти, союзы *сами* своими организациями должны строить свою новую жизнь, борясь со всеми государственными препятствиями.

Эту, столь правильно-понятую, организацию крестьянско-профессиональных союзов хлеборобов можно только приветствовать и всеми силами помочь, чтобы та или иная государственная власть не постаралась их искалечить.

Н. Павлов.

который издавал прекрасную газету „*Хуэльга Хенерал*“ (Всеобщая стачка), в которой велась энергичная пропаганда во имя непосредственной борьбы труда с капиталом, и сама всеобщая стачка рассматривалась, как прелюдия социальной революции.

Работая в профессиональном движении, Лоренцо больше всех содействовал в деле создания могучей организации каталонского пролетариата „*Солидаридад Обреро*“ (Рабочая Солидарность). Эта синдикалистская организация создалась по типу французской „Конфедерации Труда“, но опередила ее в своей революционности и влиянию на барцелонский пролетариат, став единственным проводником идей боевого, синдикалистского анархизма.

Придавая громадное значение делу воспитания в духе свободы и независимости рабочего класса, видя, как созидательная работа анархистов парализуется буржуазным, церковным и государственным противодействием, Ансельмо Лоренцо стал поддерживать и то движение, которое развивалось в Каталонии впоследствии казненным Ф. Феррером. Для его „Современной Школы“ он перевел много книг, между прочим: Элизе Реклю—„Человек и Земля“, П. А. Кропоткина—„Великая Революция“, Пато—„Как мы совершим социальную революцию“ и мн. другие.

Из его оригинальных сочинений, на ряду с массой брошюр, можно указать книгу: „Эль пролетариадо милитанте“ (Воинствующий пролетариат),—историю испанских рабочих. Эту работу А. Лоренцо начал в 1902 г. и закончил незадолго перед смертью. Вышел I-й том ее, второй же печатался в виде фельетона, в известной в Испании анархической газете „*Тиера и Либертад*“ („Земля и Воля“).

Мы уже упомянули выше, что в течении своей бурной жизни А. Лоренцо подвергался несколько раз тюрьме и ссылке. Здесь мы только отметим, что во второй половине 90 ых годов он даже эмигрировал заграницу и жил во Франции, где изучил прекрасно французский язык, и сблизился с целым рядом общественных деятелей, среди которых, Джемс Гильом оставался до его последних дней одним из верных друзей.

В 1909 году, вскоре после каталонского восстания и казни Ф. Феррера, реакционное правительство, возглавляемое министром президентом Маурой, выслало больного

БЕСЕДЫ С ТОВАРИЩАМИ.

МАССОВОЕ ТВОРЧЕСТВО.

„В анархическом идеале творчество разлито вокруг нас, весь мир—непрерывный творческий акт".

(А. Боровой).

Мы, анархисты, в нашем подходе к миру и его сложным явлениям не можем повторять вслед за историческими материалистами, что „бытие определяет сознание". Было бы вернее, по моему, сказать: наше знание о всем сущем шатко, неустойчиво и, часто, неверно. Нам неведомы еще, в большинстве своем, взаимоотношения между „духом" и „телом", но мы все же думаем, что „бытие" постолько же определяет „сознание", посколько это последнее определяет „бытие". О „теле", о физическом мире, в котором мы живем, у нас есть несколько остроумных гипотез (предположений) и много ценных сведений. Область же духа нами гораздо слабее изучены. И мне кажется, что многие социологи (есть среди них и анархисты) в своей любви к „точным, конкретным" наукам, в своем, я бы сказал, детском стремлении „ощупать руками" жизнь, не замечают из-за нескольких деревьев „реальности" всего таинственного заманчиво-притягательного леса жизни, которая никак не может укладываться в какие бы то ни было рамки узкого исторического материализма.

После замечательных трудов Анри Бергсона мы, вместе с „добрым, старым" Монтенем (философом-скептиком 16 го столетия) снова убеждаемся в том, как несовершенен и погрешен тот жалкий инструмент, который мы так гордо величаем разумом.

Есть одно шаблонное сравнение души человеческой с океаном. Это сравнение не лишено известной доли истины. Мы восхищаемся игрой неугомонных волн моря. Мы любуемся причудливыми растениями, выползающими иногда на поверхность зыбкой

старика А. Лоренцо в Альканиз, провинции Аррагонии.

Все население встретило его с энтузиазмом и раскрытыми об'ятиями. Демонстрация эта не понравилась властям и по приказу губернатора, его снова арестовывают и вместе с семьей казненного Ф. Феррера ссылают в горное, глухое местечко *Теруэль*.

И здесь в изгнании, он продолжает писать, стараясь хоть косвенно служить рабочему делу.

Революционно-настроенный пролетариат, рядом манифестаций по всей Испании, добивается амнистии всем политическим узникам. Освобождают и А. Лорёнцо,

Последние годы его жизни прошли либо в любимой Барцелоне, либо в небольшой деревушке, у подножия знаменитой горы Монтсеррата.

Мне не раз приходилось навещать его в это время. Он сохранился не смотря на свои семьдесят лет, как живой, отзывчивый человек всецело поглощенный революционным делом.

Вокруг него была дружная семья каталонских рабочих-анархистов, которые его горячо любили и ценили.

Когда вспыхнула мировая война Ансельмо Лоренцо был сильно обезкуражен тем развалом, который постиг Интернационал. Особенно его опечалило поведение друзей: Шарля Малато, Джемса Гильома, Петра Кропоткина, которые из ненависти к германскому милитаризму, запороли патриотическую горячку и призывали к „национальному единению".

— Как? анархизм и патриотизм?..—для Лоренцо это было непостижимо.

Одной из главных причин его ускоренной смерти была эта глубокая печаль, которая проникла в его душу, когда он узнал об измене Интернационалу своих бывших соратников. Вот, что сообщает об этом его дочь Марина, в письме адресованном Джемсу Гильому, и опубликованном в свое время в „Батай Синдикалист" (Битва Синдикалиста):

„Зима для него началась также, как и в предыдущие годы, его болезни всегда усиливались в это время; но последние несколько недель мы замечали в нем сильную грусть и какое то подавленное состояние, пугавшее нас Вскоре мы убедились в том, что причиной этого являлася скорбь,

тверди морской. Мы с отвращением и любопытством созерцаем обитателей пучин, кое-где выплывающих на поверхность. Но нашему невооруженному глазу не удается пока проникнуть до известной глубины. Было бы поэтому неразумно судить о всем содержимом моря, зная только лишь ограниченную часть его поверхности. Так и с нашей душой, ограниченную поверхность которой, именуемую сознанием нам удалось изучить до сих пор. Громадная же область, простирающаяся под обманчивой поверхностью океан-моря—души человеческой, область *подсознательного* нами мало или почти совсем не изучены. За последние десятилетия мы сделали все же, благодаря ценным трудам некоторых европейских философов-психологов, крупные шаги для изучения подсознательной жизни человека.

Следя внимательно за развитием детей и за жизнью народов, стоящих на низкой ступени культуры (т. наз. дикарей); изучая терпеливо сны, бред и все проявления души людей нормальных и ненормальных; знакомясь с легендами, сотканными детской фантазией народов всех времен; словом, проникая шаг за шагом в богатое царство внутри нас, которое называется нашим миром подсознательного,—мы замечаем глубоко заложенную в человеке (как, без сомнения, и в животных) бессознательную волю производить, создавать, творить. Libido—*в широком смысле слова понятое половое влечение, направленное не только на лиц другого пола, но и на всех людей, на всю жизнь,*—это есть то, что составляет главную ценность индивидуальной, как и массовой, психики. „Нужно, чтобы индивидуальная жизнь распространялась для другого в другом, и, если нужно, даже отдавалась бы. Эта чрезмерность не противоестественна: она, наоборот, соответствует ее природе. Даже больше, она—само условие истинной жизни". (Гюйо, „Эскиз морали без санкции и без принуждения").

Конечно, мы, анархисты, когда говорим о массовом творчестве, должны помнить, что оно, как слепая подсознательная сила, далеко не всегда направлено на благо личности или обществу. Велика сила „ветхого Адама" внутри нас, или, как французы говорят, „мертвый (т. е. то, что должно умереть в нас) хватает живого". Нужна борьба, нужен очистительный огонь революции

которую ему причиняли воинственныя мнения П. Кропоткина и других друзей. Ему очень тяжело было на душе от мысли, что он принужден бороться с друзьями, которых он искренно любил и уважал,—бороться из за того, что ему представлялось уклонением от прямого пути. Друзья, беседовавшие с ним в последние дни его жизни, того же мнения, как и я.

Как бы то ни было, он ни одного дня не переставал читать и писать; накануне своей кончины, в 8 часов вечера он передал нескольким друзьям рукопись „Альманак Обреро", затем он спокойно лег. Когда он был уже в постели, моя сестра Флора заметила, что у него очень холодные ноги и пошла за горячими утюгами, чтобы их ему согреть, тогда, сильно растроганный этим вниманием, он сказал: „какие у меня славные дочери! Как я вам благодарен!" Он также несколько раз поцеловал двух своих внуков. Затем крепко заснул. В 4 часа утра он хотел подняться, как всегда, чтобы начать работу, но с ним сделался обморок, предвещавший смерть; в половине пятого он умер.

Это была такая смерть, какой он желал. Ни он сам, ни мы не давали себе отчета в том, что происходило: он был избавлен от душевной боли, которую причинил бы ему вид нашего горя. Сцена происшедшая бы тогда, была бы ужасна. Я боюсь надоесть вам; но в виду интереса, который вы проявили к нему, и дружбе, которую он испытывал к вам, вполне естественно привести подробности.

Похороны его явились большой, траурной манифестацией; громадная толпа следовала за гробом, утопавшем в цветах, который несли активные деятели Каталонского рабочего движения".

———

Таков был испанский анархист Ансельмо Лоренцо умерший 30-го ноября 1914 г. Он умер, но идея, вдохновлявшая его всю жизнь, безсмертна; ею живет каталонский пролетариат, который теперь уже, помня заветы учителя, идет на штурм капитала и государства, чтобы создать на их развалинах Свободную Коммуну.

Н. Рогдаев.

для более успешного высвобождения этого творчества. И тот из нас, кто умеет подходить к жизни вдумчиво, кто умеет смотреть на все окружающее с сочувствием, я бы даже сказал, с симпатией, тот, безсомнения, увидит внутри и вне себя неизменное *сублимирование* (перенесение на высшую точку) нашей способности творить, которая делает нас подобным богам.

И вера в освобождение творческой способности масс удерживает нас часто от излишнего пессимизма при виде безобразий, войн, самосудов, погромов и других извращенных проявлений того же массового творчества.

Человечество зигзагообразно, но неуклонно поднимается по крестному пути—к совершенству!

Марк Мрачный.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА.

В грустные дни, когда во славу „диктатуры пролетариата" уничтожены самые естественные, человеческие права (право говорить и печатать свои мысли) выходит наш „Бюллетень". Не будучи во всем согласны с товарищами, статьи которых будут помещены в „Свободной трибуне", редакционная коллегия „Бюллетеня" считает своим долгом дать возможность высказаться всем товарищам-анархистам в дискуссионном порядке.

Редакционная коллегия.

Библиографическая заметка.

П. КРОПОТКИН.—Труд ручной и умственный. К чему и как его прилагать. Изд. Т-ва И. Д. Сытина, Москва, 1919 г. 64 стр. in 32⁰, ц. 2 р.

На нудном фоне казенных изданий, навязываемых населению и заглушивших некогда богатое русское литературное творчество, отрадное впечатление производит эта брошюра: она—плод независимой научной мысли, а не фабрикация из партийной кухни.

В ней автор вкратце излагает основные доводы и заключения из своего обстоятельного труда „Поля, фабрики и мастерския".

Разделение производства на земледельческое и промышленное в разных странах и разделение труда на физический и умственный в одной и той же стране—вот две основные причины, вследствие которых, несмотря на успехи наук и техники за последнее столетие, „все народы, даже в Западной Европе, еще очень бедны. Везде еще много самой мрачной бедноты".

Промышленная специализация в ущерб земледелию обуславливает вывозную торговлю, соперничество на международном рынке, разорительные войны и периодические застои в производстве; разделение труда на физический и умственный понижает его производительность.

Для устранения общей бедности нужно усилить все наше производство. „Без большого усиления производительности всего общества *социализм невозможен*. Он был бы ни чем иным, как *установлением всеобщей нищеты*".

„Промышленность соединенная с земледелием и умственный труд с ручным"—вот путь к „довольству для всех".

Эта новая общедоступная брошюра основателя научного анархизма особенно ценна в переживаемую нами эпоху безрассудных социальных опытов государственной власти.

Она переносит изучение хозяйственной жизни народов из области „диалектики" классической и лже-научной социалистической политической экономии в плоскость прямых наблюдений.

Все бедствия, причиняемые нашими горе-социалистами, проистекают из их несостоятельных политико-экономических идей. „Действие — выполненная мысль", сказал Элизе Реклю. Большевики выполняют заблуждения своей мысли.

„В сороковых годах 19 века, когда машинное производство начало быстро развиваться в ткацко-прядильном деле, и маленькие мастерки, державшие лишь несколько рабочих, стали быстро исчезать, французский социалист Консидеран, в своем замечательном манифесте (послужившем вскоре образцом для манифэста Маркса и Энгельса)*), указывал на это вымирание мелкой промышленности в ткацком деле и, обобщая его, предсказывал исчезновение мелких производств и неизбежную концентрацию капиталов в немногих руках...

„В жизни однако, это не оправдалось".

Дальнейшие успехи техники и распространение технических знаний—сближение умственного труда с физическим—привели к промышленной децентрализации, т. е., подняв производительность труда, дали возможность мелкому производству успешно конкурировать с крупным.

Далее, Кропоткин, ссылаясь на богатый фактический материал, показывает какие поразительные результаты дает в отношении продуктивности об'единение знаний и физического труда в земледелии.

„Вот что может дать земледелие там, где оно не стеснено монополией землевладения и вообще государством", заключает автор.

Жаль только, что выпукло установив „необходимость *интеграции труда*, как выражался Фурье, т. е. об'единение земледельческого труда с промышленным и ручного с умственным", учитель не подчеркивает и третий *практический вывод*,—необходимость *интеграции* также труда с собственностью для достижения наибольшей производительности.

При монопольной частной (капиталистической) и государственной (социалистической) собственности, труд, ставши наемным, представляет из себя сплошной вольный и невольный саботаж производства рабочими. Поразительное падение производительности труда в нашем „социалистическом отечестве" богато иллюстрирует насколько пагубно отражается централизация собственности на производительности труда. Кропоткин сам указывает, что форма об'единенного крупного производства „*уже уступает* место новой форме, дающей простор групповому почину и достигающей об'единения при помощи кооперации".

А ведь успехи децентрализованной промышленности, стойкость крестьянского земледелия и развитие крупного об'единенного производства в кооперативных формах обуславливаются *интеграцией* труда с собственностью.

Не пора-ли нам, анархистам, отрешиться от своего *диалектического* отрицания собственности и признать коллективную кооперативную собственность, как мы признаем ее по отношению к ремесленнику-кустарю и крестьянину-хуторянину?

Между частной капиталистической и монопольной, государственной или муниципальной, собственностью у нас иного выбора нет.

Ал. Атабекян.

*) Проще говоря—*украденном* ими.

Примеч. редакции.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМА.

Мир переживает своеобразную тяжелую эпоху, являющуюся переломным пунктом истории всего человечества.

Международная война, свирепствовавшая на протяжении пятидесяти двух месяцев, должна быть, повидимому, необходимой предпосылкой революции в интернациональном масштабе.

То, что не могла сделать в течении долгих десятилетий вся сумма усилий революционеров и борцов за лучшее будущее страдающего человечества—сделала война: она обнаружила полную несостоятельность, банкротство устоев государственно-капиталистического общества.

Ярким доказательством краха не только капиталистического, но и государственического строя служит революция, вспыхнувшая в феврале 1917 года в России, и продолжающая развиваться в народных глубинах, наперекор государственно-социалистическим партиям, приведших ее к тупику, упадку, в направлении полной ликвидации

государственно-капиталистической системы общества и замены его системой безгосударственной, системой свободно-организованного свободного труда.

Не менее блестящим доказательством банкротства старого мира, основанного на насилии и рабстве, является и все шире и глубже развивающееся брожение пролетариата старокапиталистических стран Европы, выливающееся в бунты и мятежи, забастовки, предвестники революции, или, как в Германии и экономически отсталых странах: Австрии, Болгарии, в Революцию, которая имеет все шансы стать революцией ликвидации буржуазных устоев; да, наконец, слепое озверение империализма стран Согласия, вышедшего победителем из ужасной империалистической бойни, явившееся следствием испуга перед наростающей революционной пролетарской волной, грозящей залить всю Европу, Америку и Азию, также является не менее блестящим доказательством близкой смерти буржуазного мира.

Все эти исторические явления и признаки первостепенной важности свидетельствуют о том, что государственно капиталистический мир умирает, и больного не спасут усилия союзных империалистов, оплота мировой контр-революции, ибо дух безвластного коммунизма витает над землей.

Вопрос ликвидации буржуазно-капиталистического общества, мысливший лишь в неопределенно отдаленном будущем, ныне, выдвинутый пролетариатом России, стоит в порядке дня.

Необходимость немедленного социально-экономического переворота с особенной силой ощущалась в России, как пролетариатом, так и крестьянством.

Экономическая смерть страны, полное банкротство, к которому привели Россию сперва аристократия и буржуазия, а затем полубуржуазный и „революционный“ социализм, противореволюционные и творчески бесплодные по существу, окончательно погрузили страну в холод, голод, рабство и невежество. Не смотря на смену не только правительств, но и форм государственности, страна в хозяйственном отношении умерла, стремление возродить ее, сохраняя в неприкосновенности капиталистические формы народного хозяйства, неизбежно должны были привести к той удручающей картине, свидетелями которой мы являемся. Такое положение вещей есть логический результат, вытекающий из самой сущности государственности, ибо как говорили мы, анархо-синдикалисты,—страна может быть вызвана к жизни только в результате немедленного разрушения государственности и столь же немедленного организованного воплощения в жизни самими трудящимися, при помощи своих производственных организаций, совершенно новых хозяйственных форм.

Октябрьская революция, поставившая во главе государственного кормила „революционную“ социал демократию, с поразительной ясностью обнаружила творческое бессилие и бесплодие не только буржуазии, но и приверженцев государственного социализма и самого государственного социализма; теперь ясно, что никакие реформы, проводимые сверху правительством буржуазным, полубуржуазно-социалистическим или социалистическим в целом, учредительными собраниями или советами, пролетарскими по форме, революционно-буржуазно-интеллигентскими по существу, не могут устранить хозяйственную разруху,—опыт нашей революции тому порукой.

Для всех теперь ясно, что никакая партия—буржуазная или социалистическая, никакая диктатура не могут справиться с задачей устройства новой жизни на новых коммунистических, экономически-равных началах, как по внутреннему бесплодию, так и потому, что они по природе враждебны делу всестороннего пролетарского освобождения, враждебны революции: они противореволюционны по существу. Ни одна партия не может придти на помощь пролетариату, их помощь—ложь.

Государство — постоянный враг трудящихся масс; пролетариат должен вести с ним постоянную и ожесточенную войну не зависимо от форм и рода деятельности его. Как раньше пролетариат боролся против государства притеснителя, угнетателя, так и теперь он должен бороться против государства-благодетеля, ибо хозяин-благодетель остается хозяином постоянно, а благодетелем—пока выгодно.

Трудовые рабоче-крестьянские массы должны взять дело своего устроения в свои руки, необходимо чтобы производственные и другие классовые рабоче-крестьянские организации взялись за ликвидацию буржуазно-социалистического строя, чтобы они немедленно приступили к полной реорганизации существующего социально экономического уклада.

Несмотря на железные государственно-социалистические тиски, в которых находится в настоящее время рабоче-крестьянское движение, организованная социальная сила, необходимая для начала грядущей коммунально-синдикальной революции, как начала революции анархо-коммунистической, имеется.

Анархо-синдикализм всегда верил в творчество народных масс, в их способность к самоорганизации в процессе самой революции и не был обманут: Россия покрыта густой сетью организаций, возникших в период революции: Советами, земельными и фабрично-заводскими комитетами, производственными союзами и т. д., правда извращенными и искаженными механической силой господствующей партии, но могущих возродиться при дальнейшем развитии революции.

С каждым днем для трудящихся становится все ясней, что только сами трудящиеся путем своих об'единенных, массовых организаций смогут совершить коренное переустройство общества.

Народные массы сознали ненужность и вредность партий и вождей, они поняли, что для них нужны не вожди, а товарищи, обслуживающие их движение с революционно-технической стороны.

Государству, как политической организации общества, нанесен смертельный удар.

Революция безгосударственная по своей природе пошла по пути замены государства организованной общественностью. Искусственная и уродливая форма государственности, Советское государство, явилась не в результате логического развития революции, а в результате усталости рабочих масс, их ослабленного внимания, чем воспользовались последователи Бланкистско-Марксовско-Бисмарковского учения: они заменили народный идеал нашей революции, Советскую организацию общества, идеалом немецко-реакционным, марксовско-бисмарковским—советской (по форме) государственностью. Советская государственность, как всякая государственность, неминуемо вырождающаяся в деспотизм и бюрократизм, сильна только своей механической силой, усталостью, инертностью и косностью народной.

Как не бывает высоко длительного революционного напряжения, так не может быть и столь же длительного периода усталости и апатии.

Революция—ускоренный процесс эволюции; в ней периоды под'ема сменяются периодами упадка,—за упадком опять следует под'ем и так до тех пор, пока идеал народа не будет осуществлен вполне.

Текущий момент, являясь моментом упадка, не может быть продолжительным, он должен в ближайшем будущем смениться моментом под'ема, периодом Коммунально-синдикальной революции. С под'емом общественной жизни неминуемо должна исчезнуть государственность, но уже не для того, чтобы принять новые формы, но чтобы исчезнуть навсегда.

Со следующей революционной волной, которая не за горами, государственность исчезнет, ее место займет коммунальная организация общества—всероссийское об'единение, федерация вольных деревень и городов, идущая снизу вверх в местные, областные, краевые и т. д. союзы.

Только такая форма политической организации общества, между прочим, разрешает радикально вопрос об абсолютной автономии территориальных единиц не зависимо от их величины и национальности; только такая, а не иная, хотя бы социалистически-государственная форма политической организации общества, столь же радикально разрешает запутанный и, до сих пор неразрешенный, вопрос национальный.

Вольные Советы Рабочих и Крестьянских Делегатов, явившиеся в результате революционного творчества народных масс, находящиеся под непосредственным бдительным контролем рабочих и крестьян, легко осуществляемым, благодаря непосредственной связи советов с трудовыми массами, советы, лишенные власти т. е. господства над трудовыми элементами, следовательно, точно выражающие политическую волю трудящихся, должны взять на себя выполнение коренного политического переустройства на началах широкого конфедерализма.

„Вся будущая политическая организация должна быть ничем другим как Федерацией вольных рабочих, как земледельческих, так и фабрично-ремесленных артелей (ассоциаций). И потому во имя освобождения политического мы хотим прежде всего окончательного разрушения государства, хотим искоренения всякой государственности со всеми ее церковными, политическими, военно и гражданско-бюрократическими, юридическими, ученными и финансово-экономическими учреждениями". *).

*) М. Бакунин—„Наша программа", журн. „Народное Дело" № 1, стр. 7, 1886 г. Цитирую по Богучарскому „Активное Народничество",

Выполнение означенной задачи тесно, неразрывно связано с выполнением второй главной и основной задачи без осуществления которой не может быть осуществлена и первая, это—проведение полного коренного и экономического переустройства, установление экономического равенства. Выполнение этой столь грандиозной по своей важности задачи, должно лечь на производственные пролетарские массовые организации—фабрично-заводские, земельные комитеты, индустриальные союзы и другие рабоче-крестьянские организации, более других приспособленные к этой цели.

Полный захват земли в руки организаций земледельческих, рабочих и крестьян; полный захват фабрик и заводов в руки производственных рабочих организаций, окончательная экспроприация, еще государством не экспроприированных, капиталов, *экспроприация самого государства* — задачи стоящие на очереди дня,—одним словом, обобществление всех капиталов и орудий труда может быть предпринята и осуществлена только организованными на местах и по всей стране в деревенские коммуны—крестьянами, и в фабрично-заводские комитеты, индустриальные союзы—рабочими.

Только Всероссийский Союз городских и сельских производителей, который фатально поглотит и растворит в себе все трудоспособные элементы, как из паразитических, так и промежуточных классов, в состоянии разрушить старый экономический строй кабалы и построить новый строй свободы и довольства всех.

Только Всероссийский Союз производителей в состоянии организовать новое производство и ввести *общественно-трудовой контроль над социализированным производством.*

Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает своими руками—земледельческим Коммунам, а не государству; фабрики, заводы, капиталы и орудия труда—рабочим, их производственным организациям, а не государству, а все вместе—всему свободному обществу свободных производителей.

Положительной задачей грядущей Коммунально-синдикальной Революции, как первого этапа анархо-коммунистической революции, является: „как политическая организация—добровольная, абсолютно свободная Федерация коммун и рабочих ассоциаций; как организация социальная—переход капитала и земли во владение рабочих ассоциаций".

„Экспроприация владельцев капиталов (в том числе и государства) и переход капитала в коллективную собственность рабочих ассоциаций, и организация всемирной солидарности—таков идеал городского пролетариата.

„Полная местная свобода и переход земли во владение земледельческих работников—таков идеал сельского пролетариата.

„Эти два идеала превосходно можно примирить посредством принципа свободной Федерации коммун и рабочих ассоциаций" и тем самым создать тот *переходный строй* от капитализма, хотя бы и государственного, к полному анархическому строю, к его идеалу экстерриториальной коммуне.

По мере того, как процесс экономического переустройства будет развиваться в ширь и глубь, совершенствуя технику, прививая коммунистическую психологию и уничтожая предрассудки и суеверия церковные, политические, военно и гражданско-бюрократические, юридические, этические и пр., значение политической организации будет падать, она будет отмирать, значение же экономической организации, организации производителей будет неуклонно расти, пока совершенно не устранит, за ненадобностью, политическую форму организации человеческого общества, она будет расти неуклонно, пока логически не вырастет в анархическую коммуну—идеал всего человечества.

Если революция в своем прошлом и настоящем носила и носит явно государственнический, властнический характер, то грядущий в недалеком будущем под'ем безусловно будет носить иной прямо противоположный характер, он будет анархическим по методам борьбы, синдикалистским по своему экономическому содержанию и федералистическим по своим стремлениям.

Торжество грядущего взрыва народного недовольства может означать только создание анархо-синдикалистского общественного строя, безболезненно эволюционирующего в сторону полного осуществления анархо-коммунистичсекого идеала—экстерриториальной коммуне.

В тесной связи с анархо-синдикалистско-коммунистическим пониманием революции и ее задач находится и наша позиция в вопросах внутренней и внешней политики.

Анархо-синдикалисты, как до свержения самодержавия и буржуазии, так и теперь твердо помнят, что „главный враг трудя-

щихся в собственной стране" и, что лозунг гражданского мира—измена классовой позиции и равносилен капитуляции перед контр-революцией того или другого цвета.

Анархо-синдикалисты уверены в том, что только продолжение, расширение и углубление русской революции через уничтожение диктатуры отдельных лиц и партий, через уничтожение и замену существующего социал-бюрократического строя, полным самоуправлением трудящихся в форме федерации вольных советов, через полную экспроприацию государства и передачу всех отраслей производства в ведение соответствующих рабочих организаций, через децентрализацию в области производства и промышленности и полное самоуправление первичных производственных организмов, через свободу революционной печати и также реализации и других элементарных гражданских свобод, через уничтожение суда, произвола и смертной казни, через уничтожение армии и организацией всеобщего вооружения рабочих и крестьян при посредстве их классовых организаций, можно вывести нашу революцию из гибельного тупика и создать условия для такого же углубления революции в Славяно-Германских странах, условия благоприятные для активного выступления пролетариата Франции, Италии и Англии, ибо нужно помнить, что окончательное торжество нашей революции есть необходимая предпосылка всемирной революции, успех же нашей революции может быть обеспечен только всемирной революцией.

Из нашего понимания революции и ее задач, естественно и логически вытекают формы и характер деятельности.

Анархо-синдикалисты не образуют отдельной партии, ибо стоят на платформе Первого Интернационала и полагают, что освобождение рабочих от всяких форм рабства может быть только делом самих рабочих, их классовых беспартийных организаций.

Они входят во все эти организации и проповедывают там свое мировоззрение, свое миропонимание, свой идеал безвластного (анархического) коммунизма, являющихся только лишь углублением, расширением и систематизацией воззрений и методов борьбы, выдвинутых самими рабочими и крестьянскими массами.

Так как в социальном перевороте основную и главную роль будет играть экономическая организация, то анархо-синдикалисты прежде всего, конечно, отдают свои силы работе в тех организациях, которые призваны, как например, Ф.-З. К., индустриальные союзы, не только совершить полную реорганизацию производства, но стать основными первичными ячейками нового, более или менее, освобожденного общества.

Гр. Максимов.

ХРОНИКА.

В ДЕРЕВНЕ.

В сл. Кинель-Черкасской, Самарск. губ. 20 июня с./г., при активном участии возвратившегося из Сибири т. Попова, была основана Федерация Анарх. Молодежи, и открыт клуб „Анархия". В основу своей работы Федерация положила—идейную пропаганду анархизма, саморазвитие молодежи и общую культурно-просветительную работу в населении.

Считаю необходимым сказать, что Кинель-Черкассы имеют 40,000 населения—исключительно из крестьян-„середняков".

Принимали они активное участие в революционном движении в 1905 г. и понесли тогда много жертв, а в 1917 г. первые из губернии разогнали пресловутое земство, установив „свое" советское правление; совершенно не подчинялись губернской и центральной власти до прихода чехов, и жизнь свою устраивали сами. Для самозащиты от Дутова был сформирован отряд, который большевики постарались тогда же обезоружить.

Молодежь к анархзиму отнеслась весьма сочувственно, и клуб ежедневно посещало от 50 до 200 человек.

Пропаганда велась при посредстве бесед, докладов и библиотеки. Проэктировалась постановка лекций, спектаклей и вечеров. Затем было постановлено открыть по анархизму и по другим обще-научным вопросам школу имени Бакунина. Кроме молодежи посещали клуб в большом количестве и старички-крестьяне. Последние

горячо отзывались на призыв „Анархии“ и, когда собирались посетить клуб, говорили: „идем в „свой“ клуб обсудить свои делишки и поговорить о нуждах — ведь только в доме „Анархии“ можно свободно говорить и получить хороший совет“.

Большинство из „старичков“ приходили в клуб с жалобами на неправильные действия власти и за получением советов, как надо жить без „греха“, как лучше устроить свое хозяйство и проч.

Но... недолго пришлось процветать „Анархии“... Большевистская власть, видя такое отношение населения к анархизму, задумала уничтожить „Анархию“ в самом расцвете. С этой целью она разрешила поставить 20/VII вечер, в чествование 105-тилетняго юбилея Бакунина. А за 5 мин. до открытия вечера в залу ворвался отряд красной жандармерии и разогнал вечер. Под предлогом обыска нахально задевали барышен, избили прикладом и плетью гр. Матвееву с 13-летней дочкой. Присутствовавший на вечере председатель партии коммунистов г. Рязанов разгонял со словами: „разойдись сволочь, прикладом буду бить!“ Попытка Рязанова опечатать литературу и арестовать т. Попова и др. не увенчалась успехом. Благодаря такой наглости большевиков, закончила легальное существование „Анархия“, но нелегальная Анархия была и будет олицетворением всех угнетенных!

Дон.

Письмо в редакцию.

(К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ).

Товарищи-набатовцы бьют тревогу, товарищи-набатовцы призывают всех анархистов к об'единению для активной деятельности.

Но ясно-ли звучит их колокол? Верный-ли тон они взяли?

Я бы повторил на счет организации то, что Элизе Реклю сказал относительно революции:

„Недостаточно крикнуть кому-нибудь: Организация! Организация! чтобы мы тотчас же пошли за ним, только потому, что он захотел вести нас“.

Всякая организация должна иметь непосредственные конкретные цели и указать практические пути для их достижения, чтобы иметь успех и сплотить разрозненные силы.

Но не в одном только единении сила: нужны и знания, и умение.

Архимед единолично брался перевернуть всю землю, для этого он просил только рычаг и точку опоры. У него было уже знание. Где та точка опоры и тот рычаг, которые дали-бы нам возможность перевернуть и обновить современный частный и государственно-капиталистический строй?

„Социальная революция“,—*своя, особая* революция,—у нас у всех на устах.

Но ведь давно знаток сравнительного человековедения во времени и пространстве, наш учитель, Элизе Реклю, формулировал закон развития: „Никакая революция невозможна без предшествующей ей эволюции“.

О социальной революции в виде внезапной перемены всего уклада общественной жизни могут мечтать только якобинцы, социалисты-государственники, мнящие своей *властью* и своим *умом* заменить свободное развитие—эволюцию.

Результаты их деятельности на лицо.

„Эволюция приводит иногда к упадку, как и революция к смерти“,—говорит Элизе Реклю.

Так эволюция России под спудом самодержавия привела ее к упадку; точно также революция под гнетом социалистической власти ускоренным ходом ведет к смерти.

Народ гибнет, физически и духовно вымирает от избытка власти, а мы в это время бредим социалистическим раем.

Единственный путь, могущий вывести страну, раздираемую в заколдованном кругу твердой красно-белой власти, это—ослабление власти, *свободы*.

Мы бессильны немедленно упразднить всю власть,—в этом мы должны себе дать ясный и откровенный отчет,—а потому все наши усилия должны быть направлены к обузданию власти; нужно создать благоприятные условия для *социальной эволюции*, без которой никакая социальная революция невозможна.

Если бы только анархистская пропаганда поставила себе непосредственной целью борьбу с гнетом власти и не затуманивала бы ее всякими фантазиями, оторванными от действительности,—проэктами „коммун“ и „немедленного коммунизма“, то мы бы нашли более прямой путь к осуществлению всеобщей обеспеченности взаимным коопе-

ративным страхованием, — этой современной формой коммунизма.

Если бы мы только *в первую очередь* призывали к борьбе за обуздание все более наглеющей власти, как правой, так и левой,—не во имя, конечно, ее смены другой властью,—то мы имели бы за собой весь народ, как в городах, так и в деревне. Этим путем мы оказали бы наибольшую услугу делу социального переустройства.

В нашей ненависти к власти мы не должны быть настолько ослеплены, чтобы не видеть, что власть власти рознь.

Когда „буржуазные“ швейцарские власти готовы были на войну с Италией только из-за того, чтобы не применить административный произвол к анархисту Бертони, то нам следует восторгаться,—не властью, конечно, предлагавшей итальянской монархии предать окольными путями того же Бертони *),—а тем высоким уровнем народа, который не дает власти возможность открыто попирать право и свободу.

Борьба за наибольшее обуздание власти для обеспечения свободной *социальной* эволюции, для проявления той народной самодеятельности, которая у нас у всех на устах, вот та непосредственная цель, тот лозунг, который способен об'единить всех анархистов и сплотить вокруг них широкие слои населения.

Нужно иметь мужество откровенно признаться: социалистическая власть нас отбросила к „разбитому корыту“ февральской революции.

Русская революция гибнет не от избытка мнимых „свобод“ и „завоеваний“, а от избытка власти.

Слабая власть, систематично низводимая до минимума, до хрупкой шелухи, до нуля—вот какова должна быть непосредственная *практическая цель* об'единения анархистов.

Каким путем и какими средствами?

По примеру политических партий, анархисты должны выработать собственные формы организаций, чтобы оказывать должное влияние на общественное развитие.

На этом вопросе следовало бы остановиться по подробнее. Здесь хотел бы только указать, что всякая политическая организация требует материальных и технических средств. В то время, как политические партии черпают свои средства и расходуют их государственным, централистическим путем, при котором прямое принуждение лишь заменено моральным, партийной дисциплиной, анархисты должны прибегать к системе свободных экономических об'единений, широко осуществляемых кооперацией для разнообразных целей.

Организация политической деятельности на кооперативных началах и в кооперативных формах, вот единственный практический путь для анархистских об'единений,—и залог их успеха.

Мы не можем, мы не должны стать политической партией, ибо сущность всякой партии, по определению Элизе Реклю „солидарность, как в дурном, так и в хорошем“. Но наша деятельность должна быть политической. Разве анархизм, даже по своему названию, не является, прежде всего, политическим учением, направленным к достижению полной политической свободы, не стесненной никакой властью?

А. А.

*) См. брошюру Г. Сандомирского—„Луиджи Бертони“.

ИЗВЕЩЕНИЯ.

Московский Анархический Черный Крест при Рабочем Союзе Анархистов „Набат“ сообщает, что в Москве, в Бутырской тюрьме сидят нижеследующие товарищи: Нейкруг, Епифанов,—(из Смоленска), Ходес,—(из Самары), Марков, Уранский, Смирнов,—(молодежь из Москвы), Максим Барон—(из Киева), Дора Правда—(из Москвы), и в тюремной больнице—т. т. Шилкин и Бычков.

Товарищи и группы, желающие оказать помощь заключенным-анархистам могут обратиться по адресу: Москва, Бол. Чернышевский пер., д. 18, кв. 2, Черному Кресту. Переводы же просим направлять по тому же адресу на имя Анны Павловой.

Всех товарищей и группы получивших №№ 1, 2 и 3 „Московского Набата“ просим выслать за них на имя редакции деньги. Просим сообщить—сколько экземпляров „Московского Набата“ в дальнейшем высылать.

Рабочий Союз Анархистов „Набат“ помещается в Москве—Бол. Чернышевский пер., д. 18, кв. 2.

Временный адрес Всероссийской Федерации Анархистской Молодежи: Москва, Бол. Чернышевский пер., д. 18, кв. 2, ВСЕФАМ'У.

Товарищи! Присылайте статьи и хронику в редакцию „Московский Набат“.

Издание Рабоч. Союза Анархистов „Набат“.
Редактор: Редакционная Коллегия.

Библиотека Института Ленина при Ц.К. Р.К.П. (б.)